

УДК 94:159.922.4(=161.3):316.647.8(=162.1)«16/19»

Этнопсихологические установки в генезисе белорусского стереотипа поляка в период Нового времени

А.М. КРОТОВ

Статья посвящена роли этнопсихологических установок в генезисе белорусского стереотипа поляка в период Нового времени. Автор делает вывод, что опыт сосуществования белорусов с поляками привёл к формированию предвзятого отношения к ним. Оно стало базовым фактором в генезисе белорусского стереотипа поляка, подпитывая этот процесс на психоэмоциональном уровне.

Ключевые слова: этнопсихологическая установка, предвзятость, белорусский стереотип поляка, период Нового времени.

The article is devoted to the role of ethnopsychological attitudes in the genesis of the Belarusian stereotype of a Pole in period of the New Age. The author concludes that the experience of coexistence of Belarusians with Poles led to the formation of a prejudiced attitude towards them. It has become a basic factor in the genesis of the Belarusian stereotype of a Pole, fueling this process on a psycho-emotional level.

Keywords: ethnopsychological attitude, prejudice, Belarusian stereotype of a Pole, the period of the New Age.

Белорусский стереотип поляка является, пожалуй, единственным белорусским национальным стереотипом «чужого», генезис которого полностью завершён. Едва ли стоит сомневаться в том, что его характер определили не только исторические условия, в которых он формировался, но и другие факторы. Их выявление и изучение – задачи, которые необходимо решать в рамках комплексного изучения данного стереотипа. Прежде всего это касается фактора предубеждения, который имел, как представляется, определяющее значение в возникновении и развитии стереотипа, являлся его психоэмоциональной основой. Когда оно появляется и почему – проблема, требующая своего решения. Очевидно, что в данном случае необходимо фокусироваться на особенностях восприятия белорусами всего того, что было связано с присутствием на белорусских землях польского этнического элемента, опытом соседства с ним, зафиксированном в генетической памяти белорусов и материализованном в являющемся частью их национального менталитета стереотипе.

Белорусские земли являлись буфером между Польшей, позиционировавшей себя защитницей католицизма и европейской цивилизации, и Россией, ассоциировавшей в польской национальной мифологии с азиатским варварством. Поскольку местное население имело чрезвычайно низкий уровень этнического самосознания, не удивительно, что и в польской, и в российской стратегии в отношении его ставилась, в конечном счёте, цель полной ассимиляции. Поляки, образно говоря, «распахнули двери» для вовлечения русинов (белорусов) в лоно «культуры польской», чем воспользовались представители русинской знати, принявшие польское шляхетство, а вместе с ним так называемую «польскость», в которой ёмко объединяются польская идентичность, ощущение и манифестация принадлежности к польскому народу, самоидентификация с Польшей и поляками. Стремление же России к приобщению белорусов к исконным духовным и культурным традициям восточнославянского пространства связывалось, прежде всего, с их возвращением в лоно православной церкви.

К тому времени, когда российская стратегия на белорусских землях восторжествовала, белорусы успели уже лишиться собственной элиты, на которой, кроме всего прочего, лежала ответственность за сохранение и развитие белорусской культуры, за преумножение её достояния. Белорусская народность, не успев толком оформиться как самостоятельная этносоциальная общность, оказалась в крайне невыгодном для себя, дискриминированном положении. Белорусская культура стала восприниматься как крестьянская, «хлопская» или «хамская» [1, с. 66]. Таковой она оставалась на протяжении долгого времени.

В существовавшем в Речи Посполитой социальном разделении шляхтичи считали себя потомками древних сарматов, которым приписывались идеальные качества. Мировоззрение

и образ жизни шляхты определялись идеологией сарматизма, полностью оторвавшей её от хлопов. Хлопы же рассматривались шляхтой как потомки скифов, покорённых сарматами. Они были бесправным быдлом, несшим бремя обязанностей и обречённым на рабство [2].

Инкорпорация белорусской знати в состав шляхты и её ассимиляция облегчалась во многом заложенным в мифологии сарматизма тезисом, что потомки сарматов жили не только в исконно польских землях (Европейской Сарматии), но и в так называемой Азиатской Сарматии, частью которой являлась Московия [3]. Не лишним будет сказать, что лозунг объединения двух Сарматий стал чуть ли не основным в идеологическом обосновании польско-литовской интервенции в Россию в 1609–1618 гг.

Идеологическое обоснование единства польской и литовско-русинской шляхты как особого народа, стало, с одной стороны, пропагандистским прикрытием колониационного движения поляков на восток, в земли ВКЛ, а с другой, являлось, по сути, вариантом компромисса, который должен был устроить дворянство ВКЛ, вынужденное согласиться на унию с Польшей на её условиях, не уронив, образно говоря, своего лица.

По мере укрепления польско-литовского союза и полонизации государственно-политической модели ВКЛ колониационное движение поляков на белорусские земли усилилось. Польских переселенцев поставляла Мазовия и та часть Подляшья, которая к XV в. была уже колонизована поляками. Главным образом это была бедная шляхта, которой по причине её многочисленности не было места на родине и которая в поисках земли и холопов «покрыла землю как саранча» [4, s. 49]. Привилеи великих князей литовских поощряли мазовецкую колонизацию – князья жаловали своим служилым людям (земьянам) прерогативы коронной шляхты. И хотя в результате противодействия православной магнатории массовому наплыву безземельной мазовецкой шляхты в земли ВКЛ была создана законодательная база – Статут ВКЛ 1529 г. (раздел 3, статья 3) [5, с. 48], и Статут ВКЛ 1588 г. (раздел 3, статья 12) [6], которые запрещали иностранцам, не являвшимся уроженцами ВКЛ, занимать в нём государственные должности любого уровня, а также покупать, получать в наследство и в подарок недвижимое имущество, это не помешало полякам расселяться по белорусским землям и укореняться там. Касался запрет, судя по всему, католических монахов, которые своим поведением возбуждали в среде местного населения вражду к польскости и католицизму [7, s. 61–62].

Конечно, эта законодательная норма нередко нарушалась. Тем не менее, подобные нарушения не стали правилом и потому нет оснований утверждать, что Беларусь наводнялась польскими шляхтичами. Другое дело, что собственная белорусско-литовская шляхта успешно полонизировалась, усваивая традиции, обычаи, нормы поведения своих польских собратьев. В глазах хлопов, носителей традиционной белорусской культуры, они уже являлись поляками. Правда, культурная и языковая ассимиляция этих ренегатов шла медленно и неравномерно. Наибольшие успехи демонстрировали те, кто принял католичество и вместе с ним этноним «поляки». Всё же, несмотря на успехи полонизации, часть шляхты придерживалась православия, а часть обратилась в униатство. Первые называли себя «русинами», вторые же так и не определились окончательно в своей этнической принадлежности [8].

Присутствие польской по происхождению шляхты на белорусских землях и полонизация их теперь уже «братьев» из числа представителей местного дворянства, принятие последними польского шляхетского стиля жизни, обычаев и традиций, создало предпосылки для складывания базовых черт белорусского стереотипа поляка. Поляк предстал перед белорусскими хлопями в своём этническом и сословном облике, демонстрируя весь комплекс присущих ему достоинств и недостатков. И недостатков – прежде всего! Естественно, что на чужаков белорусы изначально смотрели критически. Противопоставляя себя «*chłopi ruskiemu*» (русскому хлопю), как чаще всего было принято называть в шляхетской среде белорусских крестьян [9, p. 59–60], польские шляхтичи способствовали трансформации этого критического отношения в предвзятость.

Шляхта и хлопья жили в параллельных, но, к сожалению для хлопья, не изолированных друг от друга мирах. Шляхту, заикленную на самой себе, интересы других социальных и этнических слоёв общества не интересовали [2]. Она не предпринимала никаких попыток культуртрегерства в отношении крестьянства. Хлопы разговаривали на местных диалектах и оставались в массе своей безграмотными. Шляхта считала их тупым скотом (*bydłom*). Это презрительное обозначение крестьянской массы, как безвольного, бессловесного и покорного стада, стало для неё своеобразной нормой. Разумеется, это порождало ответную реакцию, характер которой це-

ликом зависел от пассионарных качеств конкретной этнической группы хлопов. В наименьшей степени это касается, разумеется, хлопов польских. На деле, вне сарматских фантазий шляхты, они являлись частью польского народа. Говорили с шляхтичами на польском языке, являлись католиками, имели одни и те же традиции, обычаи, национальный характер и менталитет.

В Украине же нещадное угнетение местного крестьянства привело к хмельничине – народному движению, которое отличалось от предыдущих казацких бунтов тем, что активное участие в нём приняло не только недовольное политической зависимостью свободное казачество, но и широкие массы крестьянства, а также православных мещан. Приход казацких отрядов в Беларусь вызвал погромный энтузиазм среди части белорусских крестьян. Хотя мотивация их соучастия в действиях украинских повстанцев была, конечно же, разная, в целом она отличалась от мотивации последних. К тому же в скором времени выяснилось, что украинские повстанцы, пришедшие в Беларусь, ведут себя не как освободители от польско-еврейского ига, а как захватчики и разорители [10].

Различия в поведении украинцев и белорусов, явственно обнаружившие себя в период хмельничины, позволяют говорить о том, что формирование основ белорусского национального характера уже произошло, как и формирование основ белорусского менталитета. Внешним показателем этого стало отношение белорусов к полякам и евреям, сильно отличавшееся от отношения к ним украинцев. В случае с белорусами нет оснований говорить о ксенофобии и вражде. Тем более о таких их формах, которые имели место в отношении украинских повстанцев, в частности, к евреям.

Что касается польского элемента, то следует отметить, что он был представлен в Беларуси не только шляхтой. Ещё в XVI в. в земли, расположенные к востоку от Подляшья, стали переселяться крестьяне, имевшие польско-мазовецкие корни. Они являлись потомками свободных крестьян, сидевших когда-то на королевских землях. Чаще всего к переселению их подталкивало пожалование этих земель магнатам и шляхте. Не желая попасть в зависимость от последних, они вынуждены были искать новое место для жизни, прежде всего к востоку от Подляшья [11, s. 317].

Со второй половины XVII в. началась инфильтрация поляков во внутренние районы Беларуси. Документы архива Радзивиллов свидетельствуют о значительном их присутствии в княжеских имениях. В частности, в княжестве Несвижском. В них указывается, из каких земель Польши прибыли переселенцы и где они оседали в Беларуси. Теперь уже не только Мазовия поставляла мигрантов. Указываются воеводства Сандомирское и Краковское (Малая Польша), Серадзское (юг Великой Польши) и др. [12]. Польские мигранты стремились к обособленному от местного населения существованию, но не всегда этого удавалось достичь. Небольшое их количество проживало в деревнях. Составители реестров их всегда отличали от местных [13]. Представляется, что и в повседневной жизни существовало чёткое разделение сельчан по этнокультурному принципу.

У белорусов появилась возможность наблюдать за жизнью поляков, принадлежащим к разным социальным группам, изучать их национальный характер, образ жизни, особенности социальных коммуникаций, обычаи и, разумеется, приходиться к окрашенным эмоциями умозаключениям, напрямую связанным с формированием стереотипа поляка.

Явившись на белорусские земли, поляки не только потеснили белорусский элемент в чисто демографическом плане, но и в плане экономическом. Магнаты являлись не только главными распорядителями земли, но и защитниками, покровителями бедной шляхты, состоящей, в основном, из людей, о шляхетстве которых говорили лишь их собственные, зачастую мнимые родословные [7]. Уровень жизни последних не отличался от уровня жизни местных крестьян. Однако сами они выделялись высокомерием, необузданностью нрава, склонностью к разбою и иному криминалу [14]. Польские, мазовецко-подляшского, как правило, происхождения переселенцы демонстрировали на новых землях примеры естественной для них жизни. Известный польский историк В. Смоленский писал по этому поводу: «В воеводстве Подляшском... отец убивал сына, сын отца, жена мужа, брат брата. Привычной ареной драк и убийств были: корчма, рынок, сеймик и костёл. Шляхтич мазурский... по любому поводу начинал драку. Отвечая на любое... оскорбление или клевету, защищая свою честь, калеча обидчика или убивая его. Врождённую вспыльчивость в нём усиливало пиво... В корчме, подвыпивши, водился и дрался с крестьянами. Авантюрировал на рынке с горожанами и евреями. Рубил товарищей на сеймике. Вспыльчивости своей давал волю даже в костёле. Дома имел тысячу причин для ссор с соседями: о меже, о вреде, причинённом посевам,

пастбищам и огородам... Дети, наученные примером родителей, оскорбляли их, выгоняли из дома и причиняли иные обиды. Суды были завалены жалобами об оскорблениях, побоях, увечьях, травле собаками и т. д.» [15, с. 32–33].

Бедность мазовецко-подляшской шляхты впечатляла поляков из других воеводств. Равно как и особенности её социального поведения, носившие экстремальный характер. В. Смоленский отмечал, что шляхтичи-мазовшане обращали на себя внимание всех своей бедностью, болтливостью, сварливостью, твердолобостью и другими качествами, которые он назвал племенными [16, с. 52]. Эти качества стали «притчею во языцех» в библейском смысле этого слова, т. е. у народов. Белорусы не стали исключением. В новой для себя этнокультурной среде польские мигранты воспроизводили привычный уклад жизни. Однако нельзя не отметить, что в условиях вынужденного сосуществования с чужаками они проявляли сплочённость, что не удивительно, учитывая высокий уровень их этнического самосознания, а также идеологическую подготовленность к выполнению особой миссии на востоке – «защите католицизма и европейской цивилизации».

Ошибкой было бы полагать, что польский этнический элемент на белорусских землях сознательно противопоставлял себя местному населению. Осваивая новое жизненное пространство, он его просто не воспринимал как конкурента. Белорусы действительно не были таковым. Отсутствие этнического самосознания превращало их в безмолвствующую, пассивную массу, лишённую не только стремления и возможностей, но и всякого права распоряжаться своей судьбой. Тем не менее, эта масса, как оказалось, имела большой ассимилирующий потенциал. Если процесс колонизации затронул верхи «русинского» общества, то процесс белорусизации всерьёз затронул польское крестьянство и даже мелкую шляхту. Общее славянское происхождение ликвидировало многие препятствия для адаптации друг к другу, не позволяло развиваться отчуждённости.

Жители «застянков» (букв. с польского – глушь, захолустье) и «шляхетских» деревень в Беларуси всегда считали себя поляками, ходили в костёл, старались придерживаться «шляхетских» традиций, насколько это у них получалось. Но польский язык ими использовался только в качестве культового и репрезентативного социального диалекта. А в повседневном быту они пользовались уже языком местного населения. Кроме того, одинаковый или примерно одинаковый уровень жизни польских и белорусских «хлопов», близкий к нему уровень жизни мелкой шляхты, не позволял возникнуть конфронтации на социально-экономической основе.

Белорусский языковед В.Л. Веренич, основываясь на результатах изучения местных диалектов, заключал, что местным этническим элементом были ассимилированы также польские переселенцы, которые в конце XVII–XVIII в. и, в меньшей степени, в первые шесть десятилетий XIX в. осели в Припятском Полесье. Местные жители их называли «будниками» или «будцами». От белорусов их отличала лишь конфессиональная принадлежность [17, с. 131]. Из других этнических особенностей остались лишь высокомерие, заносчивость, кичливость, надменность, т. е. то, что белорусы называли «фанабэрыстасцю». Это качество оказалось «неистребимым», и польские ассимилянты демонстрировали его всякий раз, когда хотели показать, что поляк – это «не абы что».

В начале 60-х гг. XIX в. в Беларусь устремился новый поток польских мигрантов. Это были участники восстания 1863–1864 гг., скрывавшиеся от преследования российских властей, безземельные крестьяне их Силезии, Мазовии и Прикарпатья, которых к переселению на белорусские земли толкало тяжёлое экономическое положение на родине [17, с. 131]. Их вербовали в свои имения местные помещики-поляки, которые стремились создать себе опору из соплеменников. Активное их участие в борьбе против царизма привело к ухудшению отношения к ним не только со стороны последнего, но и со стороны белорусов.

Польские переселенцы новой волны получили именование «хатэчковых». Однако и они в скором времени вынуждены были осваивать местную «трасянку», без которой общение с местным населением являлось весьма затруднительным. Несмотря на начавшуюся ассимиляцию «хатэчковых», их появление на Полесье явилось усугубляющим характер белорусско-польских отношений фактором, внесло новый негатив в эмоционально-психологическую основу формирующегося белорусского стереотипа поляка.

В условиях русско-польского противостояния, в том числе и идеологического, в белорусской среде, во-первых, начало формироваться этническое самосознание, что означало, помимо прочего, противопоставление себя «чужим», и, во-вторых, принесла первые плоды антипольская пропаганда,

составной частью которой стало внедрение в сознание белорусов элементов русского стереотипа поляка – в тот исторический момент главного «чужого», а также моральная поддержка царизмом «русского», православного элемента, страдавшего ранее, как заявлялось, от польского засилья.

Антипольская пропаганда, развёрнутая российскими властями, стала составной частью проводившейся царизмом в Северо-Западном крае политики, направленной на противодействие стремлению вождей и идеологов польского освободительного движения, пиком которого стали восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., втянуть в него народы бывшего ВКЛ, в том числе и белорусов, этническое самосознание которых в тот момент находилось в зародышевом состоянии. Они оказались в фокусе внимания российских государственных чиновников. Несмотря на то, что царизм представлял белорусов как этнографическую группу русского народа, он поощрял, в известной степени, белорусскость, как альтернативу польскости. В рамках антипольского воспитания белорусов на формирующийся в их общественном сознании стереотип поляка стали активно переноситься черты русского его стереотипа, к тому времени уже вполне структурированного. К формированию его имели прямое отношение не только чиновники и связанные с властью публицисты, но и многие выдающиеся умы, искренний патриотизм которых стал серьёзнейшим препятствием для появления в просвещённых кругах российского общества непредвзятого отношения к полякам. Немалую роль в популяризации негативного стереотипа поляка в массах сыграли писатели, работавшие в жанре развлекательной литературы [18] и даже художники [19]. Нельзя также не отметить, что серьёзную лепту в формирование и популяризацию негативного стереотипа поляка внесли польские ренегаты, перешедшие на сторону царизма и активно работавшие на идеологическом поприще [20], [21].

Внешнее влияние катализировало процесс развития белорусского стереотипа поляка и придало этому стереотипу отчётливо выраженный негативный характер. Однако это вряд ли бы произошло, если бы вектора развития белорусского и русского стереотипов поляка не совпадали. В основе обоих стереотипов лежало предвзятое отношение к полякам. Но, даже поверхностный взгляд на историю белорусско-польских и российско-польских отношений позволяет говорить, что у этой предвзятости была совершенно разная природа.

Таким образом, в период Нового времени в результате нескольких волн миграции на территорию Беларуси населения из Польши, происходивших в разное время и по разным причинам, в стране появилось немало количество этнических поляков. Эти люди старались сохранять католическую веру, польские традиции и обычаи, язык. Однако в результате этнокультурной диффузии шёл процесс их ассимиляции доминирующей белорусской средой. В XIX – начале XX в. в рамках процесса белорусского национально-культурного возрождения, развития белорусского этнического самосознания активизировался и генезис белорусского стереотипа поляка. Эмоционально-психологической его основой стала сформировавшаяся у белорусов за века сосуществования с поляками предвзятость.

Разные степени пассионарности обоих народов, разные уровни этно-национального сознания, разные национальные характеры и разные системы ценностей сыграли свою роль. Самоидентификация поляков как народа, господствующего на белорусских землях, хозяина этих земель, при принижении ими автохтонного населения, дискриминация его, выработали у белорусов комплекс неполноценности. Ощущение несправедливого отношения к себе породило неприязнь к полякам. Однако данная неприязнь не переросла во враждебность. Лишившись своей национальной элиты по причине её полонизации, белорусы жили в условиях, когда некому было формировать и организовывать их общественное мнение, укоренять в их массовое сознание образ поляка-врага. Общее же славянское происхождение, схожесть культур, одинаковые условия жизни (если говорить о низах социума) и необходимость взаимодействия в хозяйственной и бытовой сфере во многом нейтрализовали негативные последствия сосуществования, создавали условия для взаимопонимания и взаимодействия, смягчали существовавшее в отношении поляков предубеждение, препятствуя трансформации мнения, складывавшегося у белорусов о них, во враждебный стереотип. Проще говоря, поляк не стал для белорусов врагом. Он был соседом, хотя и проблемным... С национальными особенностями такого соседа приходилось считаться, равно как и с особенностями его социального поведения. Но предвзятость никуда не исчезла. Она подпитывала генезис стереотипа поляка, активная фаза которого пришлась на 30-е гг. XIX – начало XX в., определяя его негативный характер.

Литература

1. Кротов, А. М. Особенности существования и развития белорусского стереотипа поляков в конце XVI – I-й половине XIX в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2008. – № 4 (49). – С. 64–72.
2. Мицкевич, Г. «Пекло для холопов, рай для евреев». Расцвет и крах Речи Посполитой [Электронный ресурс] / Г. Мицкевич. – Режим доступа : <https://belhistory.by/2020/10/28/peklo-dlya-holopov-rai-dlya-evreev-rascvet-i-krah-rechi-pospolitoy/>. – Дата доступа : 04.02.2022.
3. Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях [Электронный ресурс] / М. Меховский. – Режим доступа : <https://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mehovskij/frameset1.htm>. – Дата доступа : 05.02.2022.
4. Wasilewski, L. Litwa i Białoruś: Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych / L. Wasilewski. – Warszawa–Kraków : Wyd-wo J. Mortkowicza, 1925. – 251 s.
5. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960. – 253 с.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://pravo.by/document/pdf/statut_1588/status_1588_ch3. – Дата доступу : 05.02.2022.
7. Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i Polaków / A. Krotau. – Przegląd Wschodni. – T. VIII. – Zeszyt 1 (29). – S. 57–74.
8. Богданович, А. Б. Генезис и эволюция этнической идентичности белорусов [Электронный ресурс] / А. Б. Богданович. – Режим доступа : <https://hist.bsu.by/konference/bogdanovich.htm>. – Дата доступа : 05.02.2022.
9. Savchenko, A. Belarus – A perpetual borderland / A. Savchenko. – Leiden–Boston : Brill, 2009. – 239 s.
10. Кротов, А. М. К вопросу о факторах пробуждения этнического самосознания белорусов в конце XVI – середине XVII в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2013. – № 4 (79). – С. 57–65.
11. Baranowski, I. T. Podlasie w przededniu Unii Lubelskiej / I. T. Baranowski // Przegląd Historyczny. – 1908. – T. 7. – S. 299–321.
12. Konnotacja Ekspedytowanego sejmiku w zamku Nieswiskim wyvodu ziemian Księstwa Nieswiskiego w roku 1729, 22.09 // Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. XV. – Teka 3. – Plik 1. – b/n.
13. Regestr pokonewszczyzny od PP. Zemian jak Hrabstwa Mirskiego, tak Klucza Swierzanskiego podług przywilejów od J.O. Książny H. Radziwiłłowej... // AGAD. – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. XV. – Teka 3. – Plik 1. – b/n.
14. Processa między szlachta, ziemianami i innemi osobami w sprawach o summy pozyczane od jednych drugim na zastaw gruntów i rozmaitych rzeczy, tudzież o najścia i najazdy, oraz bitwy i kryminały i innych różnorodnych sprawach włączających przed Urząd Zamku Nieswiezkiego, Magdeburgie, sąd Grodzki Ordynacki przez KK Radziwiłłów ustanowiony // AGAD. – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. XV. – Teka 2. – Plik 8. – b/n.
15. Smoleński, Wł. Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej : rozrodzenie i ubóstwo / Wł. Smoleński // Przegląd Historyczny – 1906. – T. II. – Z. 1. – S. 20–42.
16. Smoleński, Wł. Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej : III. Mazurowie w świetle cudzych opinii / Wł. Smoleński // Przegląd Historyczny – 1906. – T. III. – Z. 1. – S. 52–61.
17. Веренич, В. Л. К историко-социологической характеристике польских переселенческих говоров в Полесье / В. Л. Веренич // Польские говоры в СССР. – Минск : Наука и техника, 1973. – Ч. 2. – С. 128–159.
18. Кротов, А. М. Русский фактор формирования белорусского стереотипа поляка (середина XIX – начало XX в.) / А. М. Кротов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей / редкол.: М. И. Демчук (пред) [и др.]. – Вып. 17. – Ч. 1 : Исторические науки. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 204–210.
19. Кротов, А. М. Образ поляка в российской карикатуре XIX – начала XX в. как фактор развития белорусского стереотипа поляка / А. М. Кротов // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2017. – № 4 (103). – С. 34–40.
20. Кротов, А. М. Поляки в глазах Фаддея Булгарина / А. М. Кротов // Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зборнік навуковых артыкулаў. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – Вып. 2. – С. 33–39.
21. Кротов, А. М. О.А. Пржецлавский о поляках : ментальные корни публицистического образа и его идеологический контекст / А. М. Кротов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2014. – Вып. 14. – Ч. 1 : Исторические науки. – С. 155–160.